

Н. И. КОСТОМАРОВ

Юность Петра

I

Детство и юность Петра, до начала шведской войны

Петр Великий родился в Москве 30-го мая 1672 года, ночью, и был крещен 29-го июня того же года в Чудовом монастыре. Его появление на свет было приветствуемо родителем с особенною радостью. Три дня сряду служили благодарственные молебны, стреляли из пушек. Благодушный царь, по своему обычаю, жаловал своих ближних людей, прощал казенные долги, отменял и смягчал наказание преступникам, а после крестин угощал дважды в своем дворце сановников и выборных людей из Москвы и других городов, приезжавших с дарами. Даже в народных великорусских песнях осталось воспоминание о всеобщей радости и торжестве при рождении царевича, которому впоследствии суждено было стать первым русским императором. Быть может, царь Алексей Михайлович придавал такое значение рождению младшего сына потому, что из оставшихся у него двух сыновей от первой жены один был больной, другой малоумный, и сам царь, будучи еще не стар, мог дожидаться, что новорожденный сын от второй жены, возрастая, покажет большие способности, чем другие его сыновья.

Первое воспитание царевича началось по обычному придворному чину, но как только дитя вступило в тот возраст, когда его стали занимать игры, в нем начала проявляться редкая восприимчивость, живость и склонность к забавам, носившим военный характер. Любимые игрушки, на которые он бросался, были: знамена, топоры, пистолеты, карабины, сабли, барабаны. Царевича, по обычаю, окружили так называемыми «робятками» из ровесников, набранных из детей знатных родов; они составляли около него полк. Петр, будучи трех лет от роду, играл с ними в «воинское дело», а обучением и дисциплиной этого детского полка, по царскому поручению, назначен был иноземец Павел

Гаврилович Менезиус. Родом он был шотландец, искатель приключений; в молодости шатался он по Европе, убил в Польше на дуэли мужа одной пани, с которой был в связи, был взят в плен русскими, обласкан царем Алексеем Михайловичем и женился на вдове известного Марселиса, основателя железных заводов в России. Царь Алексей Михайлович любил Менезиуса, человека ловкого, бывалого, говорившего на многих языках, и посылал его по важным дипломатическим сношениям послом к папе. Менезиус получил свое место при царевиче по возвращении из Рима. Мы не знаем подробностей обращения Менезиуса с царевичем, но ему принадлежит зародыш той горячей любви к иностранцу, которая начала проявляться у восприимчивого Петра еще с детских лет.

По смерти Алексея Михайловича, со ссылкой Матвеева, Менезиус был отдален от Петра и послан в Смоленск, но потехи, имевшие военный характер, продолжались; товарищи детских игр вырастали вместе с царевичем, и с годами их потехи принимали прямо характер воинского обучения: деревянные ружья и пушки заменялись настоящими; царевич строил с ними городки, брал их штурмом, возводил окопы, упражнялся в военных приемах. Между тем его начали учить грамоте. Учителем был ему назначен, 12 марта 1677 года, дьяк Никита Моисеевич Зотов. Петр учился быстро читать и писать, выказывая необычайную понятливость. Зотов знакомил его с русской историей, рассказывая о деяниях Владимира Св., Александра Невского, царя Ивана Грозного и Алексея Михайловича, объяснял ему, сколько сам умел, какие есть на свете разные науки, полезные для государей. Расширению знаний царевича содействовали, бывшие в то время в ходу, потешные книги и картинки, составляемые с целью забавы, но заключающие в себе много разнообразных предметов, с которыми дитя могло знакомиться, например, знаменитые здания, города, корабли, исторические события, а также астрономические явления. С жадностью бросался царевич на все новое, все желал узнать и тогда уже порывался видеть в действительности то, о чем ему сообщали книги и картинки; сам хотел созидать города, прекрасные здания, брать крепости, водить полки и плавать по морю. Обыкновенное местопребывание Петра, вместе с матерью, было село Преображенское.

Десяти лет от роду царевич был вырван судьбою из своего уединения: его посадили на престол; а вслед за тем восприимчивый отрок был свидетелем кровавых сцен, убийства дяди и Матвеева, унижения матери и всех ее родных, наконец, должен был по воле подученной стрелецкой толпы разделить с полоумным братом венеч, возложенный на него выбором всей русской земли: правление

перешло в руки сестры, не терпевшей его матери. В эти ужасные минуты молодой Петр показал необыкновенную для его лет твердость и бесстрашие. Но эти минуты оказали печальное влияние на его характер: они, без сомнения, положили в эту гениальную, гигантскую натуру зародыш жестокости, свирепости.

Во время правления Софии Петр продолжал проживать с матерью в Преображенском селе. Его воспитание было совершенно заброшено. Учителя, Никиту Моисеевича Зотова, от него удалили: другого ему не дали; он проводил время в потехах, окруженный ровесниками без всяких дельных занятий: такая жизнь, конечно, испортила бы и изуродовала всякую другую натуру, менее даровитую. На Петра она положила только тот отпечаток, что он, как сам после сознавался, не получил в отроческих годах тех сведений, которые необходимы для прочного образования. Через это небрежение Петру приходилось учиться многому уже в зрелом возрасте. Сверх того, проведенное таким образом отрочество лишило его той выдержки характера в обращении с людьми, которая составляет признак образованного человека. Петр с отроческих лет усвоил грубые привычки окружавшего его общества, крайнюю несдержанность, безобразный разгул.

Однако необыкновенно даровитая натура не могла измельчать в том отсутствии всяких умственных интересов, на которое она была осуждена; собственною силою пробила она себе выход. Петра ничему не учили, но не могли убить в нем врожденной любознательности. Впоследствии Петр сам сообщал о тех случаях, которые направили его на избранную дорогу. Будучи четырнадцати лет от роду, он услышал от князя Якова Долгорукого, что у последнего был такой инструмент, «которым можно брать дистанции или расстояния, не доходя до того места». Молодой царь пожелал видеть инструмент, но Долгорукий ответил, что он украден. Царь поручил купить себе такой инструмент во Франции, куда Долгорукий ехал послом. В 1688 году Долгорукий привез из Франции астролябию и готовальню с математическими инструментами. Вокруг царя не было ни одного человека, кто бы имел понятие, что это такое. Царь обратился к немцу доктору, но и тот не умел владеть инструментами, а отыскал голландца Франца Тиммермана, который объяснил царю значение привезенных вещей. Царь приблизил к себе Тиммермана и начал учиться у него арифметике, геометрии и фортификации. Учитель был небольшой знаток своего дела, но ему достаточно было сделать Петру указания: талантливый ученик сам до всего добирался. До какой степени предшествовавшее воспитание Петра было запущено, показывает то, что, учась на шестнадцатом году четырем правилам арифметики, он

не умел правильно написать ни одной строки и даже не знал, как отделить одно слово от другого, а писал три-четыре слова вместе, с беспрестанными описками и недописками.

Спустя несколько времени, Петр в селе Измайлове, на Лыном дворе, гуляя по амбарам, рассматривал старые вещи, принадлежавшие двоюродному брату царя Михаила Федоровича, Никите Ивановичу Романову, отличавшемуся в свое время замечательною любознательностью. Здесь он увидел иностранное судно и спросил о нем Франца Тиммермана. Тот мог сказать ему только то, что это английский бот, который употребляется при кораблях и имеет то преимущество перед русскими судами, что ходит на парусах не только за ветром, но и против ветра. Петр спросил: есть ли такой человек, который бы починил и показал ему ход судна? Тиммерман сказал, что есть такой человек, и нашел Петру голландца Христиана Бранта (Карштен Бранта, как называет его Петр). Царь Алексей Михайлович задумал построить корабль и спустить в Астрахани; для этого призваны были из Голландии мастера. Построенный и спущенный в Астрахани корабль был уничтожен Стенькою Разиным. Мастеровые рассеялись, а один из них — корабельный плотник, этот самый Карштен Брант, проживал в Москве и кормился столярною работою.

Брант, по приказанию царя, починил бот, приделал мачту и паруса и в присутствии Петра лавировал на реке Яузе. Петр дивился такому искусству, и сам несколько раз вместе с Брантом повторял этот опыт, но не всегда удачно: бот с трудом поворачивался и упирался в берега, потому что русло было слишком узко. Петр приказал перевезти бот на Просяной пруд в селе Измайлове, но и там плавание оказалось не совсем удобным. Тогда Петр узнал, что озеро под Переяславлем будет для его цели подходящим. Оно имело в окружности тридцать верст, а глубина его достигала шести саженей. Петр выпросился у матери на богомолье к Троице, съездил в Переяславль, осмотрел озеро, и оно очень ему понравилось. По возвращении в Москву он упросил мать отпустить его снова в Переяславль, чтобы там заводить суда. Царица не могла отказать горячо любимому сыну, хотя сильно была против таких затей из боязни за его жизнь. Петр, вместе с Брантом, заложил верфь при устье реки Трубежа, впадающего в Переяславльское озеро, и тем положил начало своему кораблестроению.

В то же время потехи Петра с ровесниками начинали принимать нешуточный характер. Петр набирал в число потешных охотников всякого звания, и в 1687 году из них составилось два правильных полка, названных по имени двух царских подмосковных сел: Преображенским и Семеновским. Нравилось Петру плавание на судах

по воде; любил он и военные упражнения, и с помощью потешных соорудил он на Яузе земляную крепость с орудиями и дал ей иностранное название Пресбурга.

София и ее сторонники старались представить эти потехи молодого царя сумасбродными дурачествами; сама мать Наталья Кирилловна не видела в них ничего, кроме забавы пылкого юноши, и думала остепенить его женитьбою: она нашла ему невесту, молодую и красивую девицу Евдокию Лопухину. Отец ее, окольный Ларион, был переименован в Федора. Свадьба совершилась 27 января 1689 года. Петр не имел никакого сердечного влечения к своей супруге и женился из угождения матери, женился так, как женилась большая часть людей того времени. Мать надеялась, что молодой человек, женившись, начнет вести ту жизнь, которая считалась приличною для царя и важных особ. Но Петр вскоре после женитьбы, как только начали вскрываться реки, поскакал в Переяславль и там занялся постройкою судов. Мать хотела отвлечь его и требовала его возвращения в Москву под предлогом панихиды по царе Федоре: «Изволила мне приказывать быть к Москве, — писал Петр матери, — и я быть готов, только, ей-ей, дело есть». Мать настойчиво требовала, чтоб он ехал в столицу. Петр повиновался, приехал в Москву, но через месяц опять ускакал на Переяславльское озеро. Любя свою мать, он в письмах своих делился с нею удовольствием, какое испытывал от успеха своего дела. «У нас, — писал он, — все молитвами твоими здорово, и суды удались все зело хороши». Но царица Наталия не понимала порывов своего сына и притом боялась враждебных замыслов Софьи. Она звала его снова в Москву. Молодая супруга также скучала о нем, писала к нему, называла его «своей радостью», «светом», «лапушкой», просила приезжать или позволить ей приехать к нему. Петр, вызванный настоятельными требованиями матери, летом с неохотою вернулся в Москву. Вслед за тем осенью был открыт заговор стрельцов. Петру уже было не до кораблей; спасаясь от явной смерти, он бежал к Троице и оттуда, при помощи русских служилых людей, уничтожил правление Софьи и стал на самом деле самодержавным государем. С этих пор началась его непрерывная самобытная деятельность.

В числе разных иностранцев, приехавших с Гордоном к Петру во время его пребывания у Троицы, был и Франц Яковлевич Лефорт. Он был родом женевец, сын зажиточного гражданина, занимавшегося торговлей. В молодости он отправился в Голландию, оттуда в Данию, учился военному искусству и с датским посланником прибыл в Архангельск искать счастья в Московском государстве. То было еще при Алексее Михайловиче, в 1675 году.

Лефорт скоро выучился по-русски, женился в России на иноземке, дочери богатой вдовы Соге; подобно другим иноземцам, служил в войске, получая за службу чины, пользовался расположением временщика князя Василия Васильевича Голицына, перед которым ходатайствовал за Лефорта женевский сенат, но, впрочем, не выдался ничем особенным. Любопытный Петр вообще естественно привязывался к иностранцам, так как от них только мог получать ответы на свои расспросы и так как они более русских могли сочувствовать его страсти к нововведениям, которая в нем уже проявлялась. Но никто из иноземцев до такой степени не понравился Петру, как Лефорт. По свидетельству знавших его лично, это был человек малосведущий, но зато умевший обо всем хорошо говорить, человек веселого нрава и необыкновенно приятный собеседник. В этом качестве, столько сродном племени, к которому принадлежал Лефорт, и заключается причина, почему Петр привязался к этому человеку. Лефорт обладал редким житейским тактом. Пользуясь благосклонностью и привязанностью царя, он никому не вредил, не имел тою высокомерия, которым вообще вооружали против себя русских живущие среди них иностранцы: Лефорт, знакомя Петра своими рассказами с культурным ходом европейской жизни, отнюдь не старался своим влиянием вывести вперед иностранцев перед русскими; напротив, советовал Петру приближать к себе русских, возвышать их, и сам постоянно казался преданным пользе страны, в которой нашел себе новое отечество. Если Лефорт мало имел основательных сведений в военном устройстве и в кораблестроении, зато с жаром и с восторгом говорил об этом перед Петром и располагал Петра к усвоению наружных признаков иноземного строя. Таким образом, под его влиянием Петр пристрастился к иноземному платью. Рассказывают, что Лефорт сам лично являлся перед Петром то в той, то в другой военной форме, с позволения Петра передел русских солдат в иноземные мундиры, обучал их в глазах царя военным эволюциям и приводил его в восторг. Царь сам нарядился в иноземное военное платье и вздумал пройти всю военную службу, начиная с малых чинов, сам учился всяким приемам военного искусства, и, при необыкновенной своей восприимчивости, скоро приобретал навык владеть огнестрельным оружием, устраивать понтонные мины, копать шанцы и пр. Вскоре по своему сближению с Лефортом, Петр произвел его в генерал-майоры, устраивал с ним примерные битвы, которые были разом и потехами, и средством обучения. Эти потехи не обходились, однако, даром; на одном из подобных примерных сражений лопнувшая ручная граната опалила лицо царю и ранила многих офицеров. На другом таком

сражении, происходившем 4 сентября 1690 года, было много раненых, и сам генерал Гордон, с поврежденной ногой и обожженным лицом после того, пролежал с неделю в постели. На следующий год, осенью, потехи этого рода приняли еще большие размеры. Царь приказал построить близ села Преображенского земляное укрепление, названное им Пресбургом, разделил войска на две половины: одна должна была защищать укрепление, другая взять его. На этой примерной битве было еще более раненых, чем прежде, а один из ближних людей царя, Иван Долгорукий, лишился жизни. За такими потехами следовали шумные пиры. Лефорт по этой части был дорогой человек для царя: никто не умел лучше его устраивать пиры. Он ввел Петра в иноземное общество в немецкой слободе, где царь нашел полную непринужденность обращения, противоположную русской старинной чопорности. Там господствовал самый широкий разгул: пили вино до безобразия, плясали до упаду. Иногда по два, по три дня пировали без усталости, не ложась спать. Женщины участвовали в этих кутежах, придавая им своим присутствием живость и разнообразие. Петр пил без меры, но при своей необычайно крепкой натуре скоро протрезвлялся и принимался с большим жаром за работу, в то время когда другие после подобного пира долго не могли оправиться. Вместе с иноземцами пировали с царем и русские. Пирывы эти происходили главным образом в доме Лефорта, иногда же у Гордона и у близких любимцев царя: Льва Нарышкина, Бориса Голицына, Петра Васильевича Шереметева. Царь со всеми обращался запросто, как равный всем другим собеседник, но иногда какое-нибудь невпадение сказанное слово приводило его в такой гнев, особенно когда его природная горячность усиливалась выпитым вином, что все умолкали и дрожали от страха. Один только Лефорт умел в эти минуты успокоить и развлечь царя. Гнев царя проходил скоро, и он снова делался веселым; кругом снова все веселилось и шумело; на дворе зажигались разноцветные потешные огни, пускались ракеты. В продолжение святок и масленицы, Петр со своей компанией ездил в дома вельмож и богатых купцов славить Христа, везде пил, веселился и получал дары по старому русскому обыкновению. В эти молодые годы своей жизни он положил начало юмористическому учреждению, которое поддерживал всю свою жизнь. Это был так называемый «всешутнейший, всепьянейший и сумасброднейший собор», состоявший из ближних к царю лиц: то была пародия на церковную иерархию. Бывший учитель Петра, Никита Моисеевич Зотов, был назван «всешутейшим патриархом или князь-папою». Князь Федор Ромодановский был назван кесарем, другие придворные получили в насмешку титулы владык

равных городов, а сам Петр носил титул протодиакона. Цель этого собора состояла в усердном служении Бахусу и в частом обхождении с крепкими напитками; предаваться пьянству и обжорству на заседаниях этого собора сделалось обычным; способ выражения отличался самым грубым цинизмом.

Разгульная жизнь Петра отразилась и на его семейных отношениях. Лефорт сблизил Петра с семейством Монсов, где было две дочери; Петру сильно приглянулась одна из них — Анна. Умная, кокетливая немка умела привязать его к себе тем наружным лоском обращения, которого недоставало русским женщинам. Петр с этих пор невзлюбил жены своей, чуждался домашнего очага, но принужден был сдерживать себя, пока жива была его мать.

Дело мешалось с бездельем. С лета 1689 года Петр оставил свои переяславльские кораблестроительные работы, хотя в Переяславле мастер Карштен Брант, по царскому приказанию, продолжал строить суда и построил два малых фрегата и три яхты. Царь в это время, между прочим, упражнялся в постройке небольших гребных судов на Москве-реке. В конце лета 1691 года он снова отправился в Переяславль и заложил первый русский военный корабль, поручив постройку его Федору Юрьевичу Ромодановскому, назвавши его адмиралом еще не существовавшего флота. На другой год корабль был готов и спущен на воду в присутствии двух цариц и двора. Усиленные труды и неумеренные кутежи подорвали было здоровье Петра. Он заболел так опасно, что чуть было не умер, и близкие к нему люди собирались на случай его смерти тотчас бежать из России, зная, что София, взявши снова в свои руки правление, не пощадит их. Но сильная натура Петра взяла верх, он выздоровел и с прежним увлечением принялся за свое дело.

Переяславльское озеро было слишком тесно. Петр летом в 1693 году отправился в Архангельск, чтобы видеть море и устройство купеческих кораблей, приходивших в этот единственный русский порт. Царь с большим любопытством осматривал суда, всякие иноземные товары, привозимые из Европы, обо всем расспрашивал и тут же делал соображения о заведении русского флота и расширении торговли. При посредстве сопровождавшего его Лефорта, Петр заказал большой корабль, поручив его снаряжение амстердамскому бургомистру Витцену. Кроме того, начата была постройка двух кораблей в самом Архангельске. Совершивши небольшое плавание по Белому морю — первое морское плавание Петра, — он воротился в Москву осенью.

В январе 1694 года скончалась царица Наталья Кирилловна. Петр жалел и плакал о ней, потому что любил ее; но смерть мате-

ри совершенно развязала ему руки. Он с жаром принялся за дело кораблестроения, приказал заранее отправить в Архангельск оружие, порох, снасти, изготовить досчаники для плавания по Двине. 29-го апреля Лефорт дал у себя прощальный пир с музыкою и барабанным боем, но без танцев, по причине недавней семейной потери царя. Вслед за тем царь отправился с четырьмястами ближних людей в Архангельск. Уже плывя по Двине, Петр тешился, называя досчаники флотом, и выдумал для этого флота особый русский флаг: красный, синий и белый, оставшийся до сих пор русским флагом. К величайшему удовольствию Петра, один из строившихся в Архангельске кораблей уже был готов и спущен на Двину 20-го мая. Царь на этом корабле пировал и угощал иностранных мастеров, строивших корабль. 30-го мая царь отправился в Соловки на яхте, названной Св. Петром. На пути сделалась такая страшная буря, что все готовились к смерти и причащались Св. Тайн из рук архиерея, сопровождавшего царя; к счастью, нашелся отважный лоцман, Сумской веси крестьянин Антип Панов. Он вызвался провести судно среди подводных камней в Унскую губу и с успехом исполнил свое дело. Яхта счастливо пристала к Пертоминскому монастырю.

Опасность, испытанная Петром, не только не охладила его, но еще более пристрастила к воде. Благополучное возвращение в Архангельск послужило поводом к веселью на несколько дней. 28-го июня спущен был второй корабль, построенный в Архангельске. Петр опять пировал на радости. 21-го июля прибыл корабль, заказанный в Голландии. Это дало повод еще к большому торжеству, и Петр по этому случаю писал в Москву к Виниусу, что у них «Бахус почитается и своими листьями заслоняет хотящим писати пространно». В августе Петр со своими кораблями опять пустился в море. При плохом умении управлять кораблями, царь снова подвергся опасности кораблекрушения, но счастливо избежал его и воротился в Архангельск. С этих пор Петр считал флот свой существующим и назначил адмиралом его своего любимца Лефорта. Вернувшись в Москву, Петр устроил сухопутную военную потеху, примерное сражение при деревне Кожухове. Это была самая громкая и вместе последняя потеха царя. Войско было разделено на две половины: одна — под начальством Федора Ромодановского, другая, неприятельская, под начальством Бутурлина, разыгрывавшего роль польского короля. Здесь, как на театре, разыгрывались все приемы войны: военные советы, переговоры, копание мин, постройка мостов, засыпание рвов. Много было побитых и раненых. Петр участвовал в битве в чине бомбардира, под именем Петра Алексеева. Наконец, мнимый

польский король был взят в плен, а потом все кончилось веселым пиром, устроенным у генералиссимуса Ромодановского за счет знатнейших купцов. Эта потешная война с походом продолжалась около месяца.

Все эти потехи были, так сказать, детским удовлетворением сильной жажды деятельности и великих подвигов, охватившей душу молодого царя. Не долго он довольствовался игрою в завоевания и кораблестроения: в 1695 году он обратился к действительно важному предприятию. Предшествовавшая история оставила царствованию Петра вопрос с Крымом нерешенным. С XVI века московская Русь вела упорную борьбу с крымскими татарами за обладание громадным южным пространством нынешней России. Русские шаг за шагом подвигались все далее и далее на юг, созидались укрепленные города, около них возникали села и деревни. Народонаселение размножалось; богатая черноземная почва южных земель открывала для России источник таких богатств, о которых нельзя было и помышлять прежним поколениям, поневоле замкнутым в северных тундрах и лесах. Но благосостоянию южных областей продолжали мешать крымские и ногайские татары, хотя уже не так страшные, как в былые времена. Для всякого политического ума было ясно, что движение России на юг необходимо должно было упереться в естественные пределы Черного и Азовского морей и присвоить русскому государству все черноморские берега, населенные тогда татарами, состоявшими под владычеством Турции. Таким образом, впереди для России было неизбежно столкновение с Турцией: оно уже последовало при Алексее Михайловиче, повторилось в правление Софьи и пресеклось только до поры до времени, по неумению найти удобные средства к ведению войны и по недостатку решимости. Петр сразу понял, что в решении вопроса об обладании морем состоит важнейшая политическая задача России того времени, и со свойственной его юношескому возрасту отвагой, не долго размышляя, решил возобновить приостановленное предприятие. В начале 1695 года он приказал объявить поход на Крым. Государство имело в распоряжении сто двадцать тысяч войска, кроме малороссийских полков. Из этого числа тридцать одна тысяча назначена была для взятия Азова, ближайшего приморского города. Половина этого войска была отправлена под начальством Головина и Лефорта водою (из Москвы 30-го апреля) по Москве-реке, Оке и Волге до Царицына, куда войско прибыло 8-го июня; оттуда оно должно было пройти к казачьему городку Паншину, куда велено было собрать продовольствие; для перехода не было заготовлено надлежащего количества лошадей, так что солдаты

принуждены были на себе тащить в продолжение трех суток орудия и прочие тяжести. От Паншина войску следовало идти по Дону до Азова. С этим войском шел сам государь в звании бомбардира. Но русские, следуя старинной привычке, плохо исполняли повеления власти: подрядчики, обязавшиеся поставить запасы для войска, взявши за то деньги, не только не поставили запасов в срок, но и самих подрядчиков пришлось отыскивать по разным городам; между прочим, соли они вовсе не поставили. Преодолевая все эти трудности, русское войско, проплыв по Дону, достигло наконец Азова 29-го июня. Другой отряд его, под начальством генерала Гордона, шел до Черкаска сухопутьем: здесь военному начальству приходилось бороться с ленью, непослушанием и невежеством; так, когда нужно было построить мост через Северный Донец, стрельцы, работавшие над мостом, приводили в досаду генерала Гордона, и, вместо трех недель предполагаемого пути из Тамбова до Черкаска, ему пришлось тянуться целых два месяца.

Город Азов взять было нелегко, хотя в нем тогда, кроме жителей, было не более 8000 неприятельского гарнизона, но Азов был обведен очень крепким валом и ровом шириною в семь сажений. За валом внутри была каменная стена, вышиною в две с половиной сажени, а за нею другая стена, за которою находился дом турецкого коменданта, мечеть и помещение для гарнизона. Впереди крепости, на обоих берегах Дона построены были небольшие укрепления, называемые каланчами. Военные действия начаты были генералом Гордоном нападением на одну из каланчей. Турки, находясь там в малом числе, защищались храбро, но под конец не выдержали и покинули каланчу. Затем другая каланча, стоявшая на противоположной стороне Дона, сдалась. Русские овладели в двух каланчах порядочным количеством боевых и съестных запасов. После того приступили к осаде самого Азова и начали пальбу по крепости. Петр, в звании бомбардира, сам заряжал пушки и стрелял из них бомбами. Но один из иностранных инженеров, голландец Яков Янсен, обласканный царем и поэтому знавший его планы, перебежал к неприятелю и рассказал, что туркам удобно можно сделать вылазку на ставку генерала Лефорта. Турки послали янычар, которые перебили многих сонных стрельцов и нанесли бы русским жестокое поражение, если бы генерал Гордон не успел впору отбить их. Бомбардирование после того продолжалось, но без особенного успеха. Главною причиною было то, что военачальники, не завися друг от друга, действовали самостоятельно, и поэтому в их распоряжениях не доставало необходимого единства. 5-го августа предприняли генеральный штурм крепости, но турки отбили его. В сентябре русские приготовились к новому штурму,

а между тем начали вести подкопы, но делали их так неискусно, что когда последовал взрыв, то побито было много своих. Возобновлены были опять попытки к штурму и окончились также неудачно; наконец, 27-го сентября, решено было оставить осаду. Отступление войска сопровождалось печальным обстоятельством: немало людей потонуло в Дону от разлива реки, а когда пришлось войску идти через безлюдную степь до Валук, первого русского города на южной оконечности русского государства, то множество людей погибло от голода и ранней зимы, захватившей плохо одетое войско.

Первая неудача не повергла Петра в уныние, напротив, только побудила его во что бы то ни стало овладеть Азовом и проложить себе путь к Черному морю. Он увидел необходимость построить на Дону гребной флот, во-первых, для удобного перевоза войска, во-вторых, для действия против турок с моря. Мысль — перенести на Дон свои судостроительные попытки с севера — естественно должна была быть внушена ему прежними событиями: для сношения с донскими казаками и доставки им хлебных запасов давно уже было в обычае строить на Дону и на берегах реки Воронежа плоскодонные суда, называемые стругами, имевшие от пятнадцати до семнадцати сажень в длину и до трех — в ширину. Постройке этих судов способствовали дремучие леса, которые, однако, и в то время чрезвычайно быстро истреблялись от крайне неправильной порубки. Петр выбрал город Воронеж для устройства верфи, отправился туда сам зимою и в течение нескольких месяцев занимался постройкою судов. В других соседних местах в то же время шла также постройка судов, которые спускались к Воронежу. Работало над этим делом двадцать шесть тысяч человек, высланных из украинских городов по наряду. Таким образом, было построено 23 галеры, 2 корабля, 4 брандера и 1300 судов старой конструкции. Постройка судов шла с большими затруднениями: работники бегали от работы, жестокая зимняя стужа мешала скорости работы, вдобавок на месте, где производились работы, происходили пожары. Царь, похоронивши своего брата Ивана, умершего скоропостижно 29-го января 1696 года, немедленно отправился в Воронеж, несмотря на то, что у него болела нога; Петр деятельно распоряжался постройкою, нередко сам принимаясь за топор. Для умножения сухопутного войска велено было еще в декабре 1695 года кликнуть клич, чтобы все охочие люди, не исключая и крепостных, записывались в солдаты и стрельцы.

С первых чисел апреля начали спускать суда на воду, а тем временем подходили собиравшиеся в Воронеж войска. 3-го мая караван судов двинулся с войском по Дону. Всего войска было

до 40000. Главнокомандующим назначен был генералиссимус Шейн, адмиралом флота Лефорт, а вице-адмиралом Лима. Сам царь, в звании капитана Петра Алексеева, находился на построенной им галере, названной Принципиум. Кроме войск, отправленных по Дону, назначено было действовать запорожцам и донцам. По совету Гордона сделан был около города большой земляной вал, над которым работали денно и ночью до 12000 человек, стараясь возвести его выше городских стен. Татары, покусившиеся помешать работам, были рассеяны. Город был осажден со всех сторон, а между тем русская флотилия не допускала турецкий флот подать помощь осажденным. 17-го июля малороссийские и донские казаки пошли на штурм и не могли взять города, но турки, опасаясь возобновления штурма в большем размере, на другой же день сдались — с условием выйти из города с ручным оружием и со своими семействами. Петр выговорил себе выдачу изменника Янсена, который просил турок лучше отсечь ему голову, нежели выдавать Москве. Турки выдали его вместе с некоторыми русскими раскольниками, перебежавшими к ним.

Таким образом, Петр сделал первый шаг к овладению Черным морем — событие было чрезвычайно важным в свое время.

Петр на возвратном пути осмотрел тульские железные заводы и, прибывши в Москву, устроил там никогда еще не виданный праздник — въезд победителей через триумфальные ворота, украшенные разными символическими изображениями и надписями. В шествии вели пленных и везли изменника Янсена, на поругание одетого по-турецки, в цепях, под виселицей с петлей на шее и с надписью, гласившей об его измене и отступничестве. Янсен был бит кнутом, а потом всенародно колесован среди празднеств по поводу победы.

Для того чтобы Азов остался за Россией, недостаточно было его взять, нужно было сделать русским городом. С этой целью государь вместе с боярами указал послать туда для поселения 3000 семей из низовых городов и 400 человек конницы, кроме того, положено содержать там 3000 войска до окончательного заселения Азова. Но одно владение Азовом не имело само по себе большой важности: оно могло только открывать путь к дальнейшему движению России на юг, к обладанию черноморским берегом и Черным морем. Упорное противодействие со стороны турок и татар было неизбежно; к нему должна была готовиться Россия и готовиться поспешно, а для этой цели необходим был флот, и Петр выдумал такое средство, чтобы создать его в самое короткое время.

4 ноября 1696 года в Преображенском селе государь собрал думу, в которую приглашены были и иностранцы. Эта дума, по воле

государя, постановила такой приговор: всем жителям Московского государства участвовать в постройке кораблей. Вотчинники, как духовные, так и светские, помещики, гости и торговые люди обязаны были в определенном числе строить сами корабли, а мелкопоместные помогать взносом денег. С этой целью положено было, чтобы владельцы духовные с 8000 крестьянских дворов, а светские с 10000 дворов построили по одному кораблю, а гости и торговые люди, вместо десятой деньги, которая с них собиралась, построили бы 12 кораблей; мелкопоместные же, у которых было менее ста дворов, должны были вносить по полтине со двора. Участники в постройке должны были для этого слагаться в «кумпанства»: кумпанством называлась купя владельцев, которые, сложившись вместе, представляли число крестьянских дворов, назначенное для построения корабля. Так образовались духовные, светские и гостиные кумпанства. Они носили названия по имени сановников, занимавших наиболее видное место, например: кумпанство митрополита такого-то, или: кумпанство князя такого-то. Постройка судов должна была производиться в Воронеже и в соседних пристанях³¹⁸. Лес для кораблей положено было рубить в нарочно отведенных для того угодьях, а для рубки выслать жителей украинских городов. Всех судов положено построить 52, которые разделялись на четыре класса: баркалоны, которых постройка была возложена на кумпанство светских домовладельцев и с ними на двух духовных: на казанского и вологодского владык (это были большие суда в 115 футов длиною и 27 шириною, при семи футах углубления, со значительным числом больших чугунных орудий, от 26 до 44-х); барбарские суда, отличавшиеся большею шириною относительно длины, выпали на долю гостиных кумпанств; третий род судов назывался бомбардирским, разной длины (от 80 до 90 футов при 20 и 28 футах ширины); четвертый — галеры (шириною в 24 фута, а длиною от 125 до 174). Постройка последних падала на долю духовных землевладельцев. Каждое кумпанство обязано было не только выстроить корабль, но и снарядить его за свой счет. Для производства постройки судов выписаны были в 1696 году иноземные мастера. Венецианский сенат по просьбе царя прислал тринадцать судостроителей, а в начале 1697 года, по приказанию царя, Франц Тиммерман через своих агентов выписал пятьдесят мастеров из голландцев, шведов и датчан. Этих мастеров отправляли в Воронеж и распределяли по кумпанствам на срок. Если из них кто умирал или после срока удалялся, то кумпанства сами должны были приискивать мастеров. Большая часть кумпанств, не в силах будучи сама вести этого дела, отдавала постройку возложенных на них судов в подряд иноземным мастерам. Второ-

степенные рабочие, как-то: плотники, кузнецы, столяры — были из русских. Общий надзор над постройкой судов поручен был окольниковому Протасьеву, со званием «адмиралтейца». На Азовском море в то же время строили гавань, избравши местом для этого Таганрог. Наконец, Петр, в связи с делом судостроения, предпринял прорыть канал между Доном и Волгою посредством рек: Иловли и Камышенки.

Дело судостроения шло довольно успешно. В 1698 году были построены требуемые суда, но Петру приходилось сильно бороться с разными препятствиями: рабочие беспрестанно бегали, иноземные мастера ссорились между собою, а иные брали деньги, а от дела уклонялись.

Любимая до страсти Петром мысль о кораблестроении последовательно увлекала его к теснейшему сближению с западной Европой. Постройка судов таким образом, как она совершалась в Воронеже, не могла быть прочным делом на будущее время. Кумпанства, поневоле обязанные давать средства на постройку судов, не могли сделать шага без иностранных мастеров. Петр не мог быть доволен последними: многие из них были искатели счастья, думавшие, что они пришли в такую страну, где и плохая работа может показаться отличною. Сверх того, подобный способ судостроения поставлял Россию в постоянную необходимость пробавляться искусством иностранцев и тем самым зависеть от них. Надобно было приготовить знающих русских мастеров. С тою целью Петр отправил за границу пятьдесят молодых людей стольников и при каждом по солдату. Целью посылки было специальное обучение корабельному искусству и архитектуре, а поэтому они отправлены в такие страны, где в то время процветало мореплавание: в Голландию, Англию и Италию, преимущественно в Венецию. Мера эта возбудила сильный ропот: в России, жившей столько веков в отчуждении от Запада, постоянно господствовала боязнь, чтобы русские, усваивая знания от иноверных народов, не потеряли чистоты своей веры; духовенство толковало, что русским православным людям, новому Израилю, не следует сообщаться с иноплеменниками, подобно тому, как это было запрещено Богом в Ветхом Завете израильскому народу. В начале 1697 года некто монах Авраамий смело подал самому Петру обличение поступков царя. Авраамия пытали; он показал на многих лиц, которые осуждали поступки царя и его правление; между прочим, жаловались, что царь ничьих советов слышать не хочет и сам в Преображенском приказе пытается людей и жестоко казнит. Оказавшихся виновными в таких толках наказали кнутом и сослали, но неудовольствие не прекращалось. Даже намерение

прорыть канал между Волгою и Доном считали неугодным Богу: «Нельзя, — говорили русские люди, — обращать потоки в одну сторону, когда уже Бог обратил их в другую». Отцы, отправляя за границу юношей, скорбели о разлуке с ними и проклинали судостроение, которым так увлекался их государь. Сами молодые люди с неохотою оставляли отечество — тем более, что некоторые имели жен и должны были покинуть их. Петр не смотрел ни на что; преданный до страсти своему делу, он решился ободрить и увлечь подданных собственным примером. Он сознавался перед боярами, что, не получив надлежащего образования, не способен еще совершать дела, которые считал полезными для своего государства, и не видит иного средства, как, сложивши на время для видимости корону, отправиться в просвещенные европейские страны учиться. Подобного примера еще не было в истории русских царей. Приверженцы неподвижной старины с негодованием встретили это намерение. Петр не смотрел на них, учредил правительство из бояр под председательством князя Ромодановского, которому прежде дал титул князя-кесаря, и снарядил великими полномочными послами в Вену, Голландию и Англию Лефорта, в звании адмирала и новгородского наместника, сибирского наместника Федора Алексеевича Головина и белевского наместника думного дьяка Прокопия Возницына. При послах было более двадцати дворян, тридцать пять волонтеров, которые собственно назначались для изучения корабельного искусства, и, сверх того, большое число служителей и мастеровых, между прочим много иностранцев, обжившихся в России. Петр был в свите посольства, под именем капитана Петра Михайлова. Посольство отправилось в марте 1697 года к шведскому рубежу в Лифляндию, и первым иноземным городом, где ему пришлось остановиться, была Рига. Петр хотел оставаться совершенно незамеченным: все почести предоставлены были послам; строго запрещено было русским говорить, что между ними находится их царь. Шведский губернатор Риги Дальберг принял русское посольство с официальной честью, но, однако, без особенной предупредительности, и не позволяя себе ни малейшего отступления от своей обязанности. Дальберг хотя и знал, что в свите находится царь, но показывал вид, что даже не подозревает этого, исполняя тем самым буквально желание Петра находиться инкогнито. Когда Петр захотел осмотреть в зрительную трубу укрепления Риги, Дальберг тотчас обратился к Лефорту и потребовал, чтобы люди его свиты не смели позволять себе таких вольностей. Этот поступок сильно раздражил Петра: он не забыл его и тогда, когда впоследствии завоевал Ригу; и тогда, вспоминая о суровости Дальберга, он называл Ригу проклятым

местом. В сущности Дальберг исполнял только честно свою обязанность.

В Митаве курляндский герцог принял русское посольство радушнее. Петр, которого больше всего занимало море, оставил послов следовать до Кенигсберга сухим путем, а сам в Либаве сел на купеческий корабль с волонтерами и отправился морем. 2-го мая пристал он в прусский порт Пиллау, а оттуда приехал в Кенигсберг. Прусский герцог курфюрст бранденбургский принял его отлично и приготовил приличное помещение в двух домах. Посольство прибыло после и было принято с пышностью. Здесь Петр пробыл до 10-го июня. Посольство ожидало окончания выбора короля в Польше. Пребывая в Пруссии, Петр усердно занимался артиллерийским делом у инженерного подполковника Штернфельда и привел его в изумление необыкновенною своею понятливостью.

Выехавши из Кенигсберга на пути в Голландию, Петр на дороге получил приятное для него известие из Польши, что курфюрст саксонский, Фридрих Август, получил перевес над соперником своим принцем де Конти и признан польским королем под именем Августа II. Избрание этого короля имело важное значение в истории отношений России к Польше. Август получил корону главным образом потому, что Россия его поддерживала, и русский резидент Никитин напугал поляков, что если они выберут французского принца, то Россия, вместе с римским императором, из опасения дружбы французского короля с Турцией, поставит себя в неприязненные отношения к Польше. Россия решила выбор польского короля и с тех пор, вмешиваясь во внешние и внутренние дела Польши, стала распоряжаться судьбою Речи Посполитой все больше и больше, до самого ее падения.

Путешествие русского царя инкогнито не помешало повсюду распространяться о нем вести в Германии. Две принцессы курфюрстины: ганноверская София и дочь ее, бранденбургская София-Шарлотта, — щеголявшие в Германии в то время ученостью, покровительством наукам и знакомством с Лейбницем, знаменитостью своего века — полюбопытствовали видеть государя дикой Московии, ехавшего в Европу; они встретили Петра во владениях герцога цельского с тремя принцами ганноверского семейства и толпою придворных, в местечке Конненбурге. Петр сначала дичился и не хотел идти к ним, но, преодолевши свою застенчивость, явился к принцессам с тем условием, что там не было придворных. Ловкие курфюрстины своей любезностью ободрили его и довели до такой развязности, что он позволил войти всем придворным, заставлял их пить вино большими стаканами по московскому обычаю и для потехи принцессам со своими приближенными

пустился плясать по-русски. Замечательно, что когда принцессы для всеобщего увеселения призвали итальянских певцов, Петр откровенно сознался, что не имеет склонности к музыке. Принцессы спросили его: любит ли он охоту? Петр дал такой замечательный ответ: «Отец мой очень любил ее, но я больше люблю плавать по морю и пускать фейерверки». Русский царь показал принцессам свои руки, огрубелые от работы. Принцессы после этого свидания оценили его необыкновенный ум и любознательность, но на них неприятно действовали грубость его приемов, неумение есть опрятно, беспреостанное трясение головой и нервные гримасы на лице. Принцессы выразились о нем, что «это человек очень хороший и очень дурной!»

Петру нетерпеливо хотелось в Голландию, страну кораблей и всякого мастерства: для него это была настоящая обетованная земля. Оставивши позади себя посольство, он поплыл по Рейну и каналам с несколькими волонтерами и немногочисленной прислугой. Петр много наслышался о Голландии от голландцев, которых было очень много в России, и узнал от них о том, что недалеко от Амстердама, в прибрежном местечке Саардаме, есть большая корабельная верфь. Не останавливаясь в Амстердаме, Петр оставил там большую часть своих спутников, взял с собою только шесть волонтеров, и в том числе Александра Меншикова, и приехал в Саардам 7-го августа, в одежде голландского плотника, — в красной фризовой куртке, в белых парусинных штанах и лакированной шляпе. Там нашел он знакомого кузнеца, работавшего некогда в Москве, Геррита Киста, приютился в его доме, упросивши хозяина никому не говорить, кто он таков, и выдавал себя за простого русского плотника. Здесь царь принялся работать топором вместе с другими работниками, ходил с ними в трактир пить пиво, посещал разные заводы и мельницы, которых было много в окрестностях Саардама. Вскоре, однако, саардамцы смекнули по приемам чужеземного плотника, что это должен быть важный человек, а жена кузнеца Киста проговорила, и все узнали, что плотник царь; тогда за ним начала ходить толпа любопытных. Однажды он раздражил уличных мальчишек: он дал нарочно одним из них слив, а другим не дал, и они на него за то кидали грязью. Царь принужден был жаловаться бургомистру. Бургомистр для охранения царя устроил на мосту стражу, чтоб не давать толпе собираться перед домом, где жил царь. Но это не помогало. Сам Петр не привык сдерживать себя и однажды, когда его окружила непрошенная толпа, бесцеремонно ударил по щеке одного из зевак, которого голландцы в шутку прозвали после этого «рыцарем». Эти обстоятельства заставили Петра удалиться из Саардама, где он

прожил всего восемь дней. 15-го августа приехал он в Амстердам, куда вслед за тем прибыло и русское посольство. В Амстердаме прожил он четыре месяца. Здесь, при посредстве бургомистра Витсена, который был некогда в России, Петр определился простым рабочим на ост-индскую верфь и с чрезвычайным увлечением, для собственного изучения кораблестроительного искусства, трудился над постройкою фрегата, заставляя и своих русских волонтеров работать вместе с собою. Но голландский способ кораблестроения не вполне удовлетворял его: голландцы были только практики, теоретическая часть у них была в небрежении; Петр проводил, что в этом отношении англичане стоят выше голландцев, и задумал ехать в Англию с целью дальнейшего своего усовершенствования в кораблестроении. Петр занимался не одним кораблестроением; его также занимало все другое: и фабрики, и анатомия, и естествознание; он ездил в Лейден наблюдать над вскрытием трупов, изучать разные аппараты и микроскопы, занимался также гравированием и в то же время не терял из виду внутренних и внешних дел своего отечества, следил за делами в Польше, Турции, за своими кумпанствами, продолжавшими строить корабли в России, договаривал и нанимал мастеров для отправления в Россию и не оставлял без внимания хода политических событий в Европе. С замечательною проницательностью предсказал он тогда разрыв с Францией после Ризвickского мира, которому радовались голландцы, названные царем за такую недалекую видность дураками. В Утрехте царь познакомился с английским королем Вильгельмом III, был принят им отлично, и это утвердило его в намерении ехать в Англию. Он взял в Голландии от корабельного мастера, у которого работал, аттестат на имя Петра Михайлова и в январе 1698 года прибыл в Англию.

Принятый в Лондоне радушно королем, осмотрев наскоро достопримечательности Лондона, Петр поспешил к своему любимому делу, поселился в трех верстах от Лондона, в городке Дефтфорде, на королевской верфи, принялся за работу под руководством мистера Эвелина, начал прилежно изучать теорию кораблестроения и заниматься математикою, ездил оттуда в Вульвич осматривать литейный завод и арсенал, обозревал госпитали, монетный двор, где наблюдал производство работ с целью применить к России виденные им способы, посещал парламент, побывал в Оксфордском университете, толковал с англиканскими епископами о различии вер, заходил даже в квакерскую общину, посещал разные мастерские, и не было, говорили англичане, такого искусства или ремесла, с которым не ознакомился бы русский царь, но потом он все-таки возвратился опять к своему любимому кораблестроению.

Все его интересовало, но корабельное дело было ему всего милее. «Английский адмирал, — говорил он тогда в порыве восторга, — счастливее московского царя». Салисбурийский епископ Бёрнет, которому было поручено показывать царю достопримечательности и объяснять их, сделал несколько оригинальных замечаний насчет личности Петра. «Это был человек, по мнению Бёрнета, с необыкновенными способностями и с такими познаниями, которых нельзя было ожидать при его небрежном воспитании, проявлявшемся на каждом шагу; он очень горяч, порывист, страстен и крайне груб; постоянное излишнее употребление вина развил в нем еще сильнее эти качества». Страстная любовь Петра к кораблестроению побудила Бёрнета сделать заключение, что он считает его более рожденным быть корабельным мастером, чем царем. Все его своеобразные приемы до такой степени поражали Бёрнета, что он считал его почти помешанным. К этому, вероятно, побуждало английского епископа и то, что голова царя постоянно тряслась и все тело было подвержено конвульсивным движениям.

Англия произвела на Петра самое благоприятное впечатление; он признал преимущество английского кораблестроения перед голландским, решил, что у него вперед будет принят английский способ постройки и он будет приглашать преимущественно английских мастеров. Здесь, по рекомендации лорда маркиза Кармартена, Петр пригласил несколько мастеров и инженеров, в том числе Джона Перри — специально для прорытия канала между Волгой и Доном, и математика Фергэрсона — для преподавания математических наук в России. Лорд Кармартен был сам страстный любитель мореплавания, и потому Петр с ним особенно сошелся. Через посредство Кармартена Петр заключил с английскими купцами договор о свободном ввозе табака. Хозяин этой компании заметил Петру, что русские, особенно духовные, питают отвращение к этому зелью и считают его употребление грехом. Петр ответил: «Я их переделаю на свой лад, когда вернусь домой». Самая забота о ввозе табака в Россию имела тот смысл, чтоб заставить русских отречься от одного из многих предрассудков, которым решился объявить царь ожесточенную войну после побывки своей в Европе.

Король Вильгельм английский подарил своему гостю прекрасную яхту. Петр со своей стороны оставил английскому королю превосходный портрет, писанный учеником Рембрандта, Кнелером. Созная пользу, полученную им от пребывания в Англии, Петр на прощание сказал: «Если б я не поучился у англичан, то навсегда остался бы не более как плохим работником». 18 апреля Петр простился с королем и отплыл на подаренной им яхте в Голлан-

дию. 17-го мая отправился он из Голландии в Вену и в ожидании разрешения вопросов о разных обрядностях, касавшихся приема русского посольства, испросил у императора согласия на свидание с ним и с его семейством частным образом, без церемоний. Это дало ему возможность, не стесняя себя придворным этикетом, осмотреть все достопримечательное в Вене. Здесь Петру предстояло решить важное политическое дело — отклонить императора от мира с Турцией, потому что Петр в то время даже свои кораблестроительные планы связывал с мыслью об утверждении русской власти на черноморских берегах. Петр не достиг своей цели: казна императора была недостаточна для новых военных предприятий. Император утешал русского царя только тем, что обещал на переговорах с Турцией поддерживать желание России удержать за собою новоприобретенные места на Дону и Днепре и домогательство овладеть еще одним пунктом в Крыму, именно Керчью. Среди толков о политических вопросах, отправлялись разные празднества в честь приезжих гостей. Русское посольство, в день именин государя, давало вечер для высшего венского общества, а император веселил своего гостя великолепным маскарадом, где знатные особы представляли своими костюмами разные народы и разные общественные звания; русский царь, как приехавший из Голландии, явился в виде фрисландского крестьянина. Надобно заметить, что эти увеселения были также своего рода школою для молодого царя, с жадностью перенимавшего не только европейские звания, но и европейские увеселения.

Петр из Вены хотел ехать в Венецию; она своим значением морской державы сильно привлекала Петра, но тут пришло к нему известие о бунте стрельцов. Петр, 19-го июля, поспешил в Россию. Он был сильно встревожен. На дороге его успокоила весть, что бунт усмирен. Петр поехал тише, осматривал величковские соляные копи, три дня пировал с польским королем Августом II в местечке Раве, очень полюбил короля и тайно заключил с ним условие начать войну со Швецией. Едучи далее, царь принимал угощение от польских панов, через местности которых проезжал, и 25-го августа 1698 года прибыл в Москву. <...>

[С падением Софьи началась самобытная деятельность Петра, и вместе с тем наступал и новый период в истории России. Внимание Петра, как известно, обратилось на юг: была построена корабельная верфь в Воронеже, и начаты походы на Азов. В январе 1696 года скончался болезненный, слабоумный Иван. Двоевластие кончилось. Азов был взят. Петр начал десятками отправлять своих подданных учиться за границу, а в начале 1697 года решился ехать туда сам инкогнито, под именем урядника Преображенско-

го полка Петра Михайлова, т. е. в том чине, в каком он состоял тогда, начав, для примера другим, военную службу с низшего чина. Его неутомимая деятельность, его недовольство старыми порядками, посылка людей за границу и, наконец, неслыханное до того времени намерение самому ехать учиться у иноземцев, уже возбудили против него злые умыслы. 23 февраля, когда царь, готовясь к отъезду, веселился на прощании с боярами у своего любимца, иноземца Лефорта, ему дали знать, что пришел с доносом пятисотенный стрелец Ларион Елизарьев (тот самый, который предупредил Петра о замыслах Шакловитого) с десятником Силиным. Их позвали к царю, и они объявили, что Иван Циклер, уже пожалованный в думные дворяне, собирается убить царя. Циклер перед тем только получил от царя назначение построить Таганрог и был этим недоволен. Оказав важную услугу Петру в деле Шакловитого, он ожидал, что будет важным человеком у царя, и обманулся, так что он сделался врагом царя, которому так услужил в прежние годы.

Циклер был схвачен и под пыткой показал на окольного Соковнина, заклётого старовера, брата боярыни Морозовой и княгини Урусовой (признаваемых раскольниками до сих пор за мучениц). Соковнин под пыткой сознался, что действительно говорил о возможности убить государя, так как государь ездит или один или с малым числом людей. Соковнин при этом оговорил зятя своего, Федора Пушкина, и сына его Василия. Вражда к Петру происходила, по их показанию, оттого, что царь начал посылать людей за море учиться неведомо чему. Обвиненные притянули к делу двух стрелецких пятидесятников. Всех их присудили к смертной казни. Циклер перед казнью объявил, что в прежние годы, во время правления Софьи, царевна и покойный боярин Иван Милославский уговаривали его убить царя Петра. Петр приказал вырыть из земли гроб Милославского и привезти в Преображенское село на свиньях. Гроб открыли: Соковнину и Циклеру рубили прежде руки и ноги, потом отрубили головы; кровь их лилась в гроб Милославского. Пушкину и другим отрубили головы. На Красной площади был поставлен столп с железными спицами, на которых были воткнуты головы казненных.

Вслед за тем Петр усилил караул у ворот Новодевичьего монастыря, а сам уехал за границу. В то время, как Петр в Голландии учился строить корабли, а потом ездил по Европе присматриваться к иноземным обычаям, в Москве управляли бояре, согласно начертаньям царя. Московским стрельцам пришла тяжелая пора. Прежде они спокойно проживали себе в столице, занимаясь промыслами, величались значением царских охранителей, всегда гото-

вые, как мы видели, обратиться в мятежников. Теперь их выслали в отдаленные города на тяжелую службу и притом на скудном содержании. Четыре полка (Чубарова, Колзакова, Черного и Гундертмерка) были отправлены в Азов. Через несколько времени, на смену им, послали другие шесть полков. Прежние четыре полка думали было, что им позволят из Азова возвратиться в Москву, как вдруг им приказали идти в Великие Луки, на Литовскую границу, в войско князя Ромодановского. Они повиновались, но в марте 1698 года многим стало невыносимо: сто пятьдесят пять человек самовольно ушли из Великих Лук в Москву бить челом от лица всех товарищей, чтобы их отпустили по домам. В прежние времена случаи самовольного побега со службы были не редкостью и сходили с рук, но на этот раз начальник Стрелецкого приказа, боярин Троекуров, велел им немедленно идти назад, а четырех выборных, которые к нему пришли объясняться, за дерзкие слова приказал сейчас же засадить в тюрьму. Стрельцы отбили своих товарищей, буянили и не хотели идти из Москвы. Бояре двинули на них солдат Семеновского полка и выгнали из Москвы силой.

Стрельцы воротились к пославшим их товарищам. Ромодановский в это время, по указу, пришедшему из Москвы, должен был распустить всех своих служилых людей, но такое распоряжение не простиралось на стрельцов; их четыре полка велено было расставить по западным пограничным городам, а тех, которые самовольно ходили с челобитной в Москву, сослать в Малороссию на вечные времена. Стрельцы заволновались и не выдали Ромодановскому своих товарищей, ходивших в Москву: Ромодановский, распустив перед тем служилых, не имел возможности схватить виновных стрельцов. Стрельцы, пошумев, ушли, как будто повинувшись приказанию идти в назначенные им города, и на дороге, на берегу Двины, 16 июня устроили круг. Тут один из ходивших в Москву, стрелец Маслов, стоя на телеге, начал читать письмо от царевны Софьи, в котором она убеждала стрельцов прийти к Москве, стать табором под Новодевичьим монастырем и просить ее снова на державство, а если солдаты станут не пускать их в Москву, то биться с ними.

Стрельцы порешили идти на Москву. Раздавались голоса о том, что надобно перебить всех немцев, бояр, самого царя не пускать в Москву и даже убить его за то, что «сложился с немцами». Впрочем, это были только одни толки, а не приговор всего круга.

Когда в Москве слышали, что идут к столице стрельцы, то на многих жителей напал такой страх, что они с имуществом разъезжались по деревням. Бояре, не допуская стрельцов до столицы, выслали против них навстречу войско в числе 3700 человек с 25 пушками. Начальство над этим войском взял боярин Шеин

с двумя генералами: Гордоном и князем Кольцо-Мосальским. Высланное боярами московское войско встретилося со стрельцами 17 июня близ Воскресенского монастыря. Сначала Шеин отправил к ним в стан генерала Гордона. Гордон потребовал, чтобы стрельцы немедленно ушли в назначенные им места и выдали бы сто сорок человек из тех, которые ходили перед тем только в Москву: их считали главными зачинщиками бунта.

«Мы, — отвечали стрельцы, — или умрем, или непременно будем в Москве хоть на три дня, а там пойдем, куда царь прикажет».

«Вас к Москве не пропустят. Об этом не помышляйте», — сказал им Гордон.

«Разве все помрем, тогда в Москве не будем», — отвечали стрельцы.

Двое старых стрельцов начали объяснять Гордону свои нужды, как стрельцы терпят и голод и холод, как строили крепости, тянули суда, с пушечной и оружейной казной, вверх Доном, от Азова до Воронежа; как им дают месячного жалованья столько, что едва достает на две недели, говорили, что теперь они хотят только повидаваться с женами и детьми своими. Толпа стрельцов подтверждала справедливость сказанного двумя их товарищами.

«Я советую вам, — сказал Гордон, — чтобы каждый полк особо обдумал и посоветовался о том, что вы делаете». «Мы все заодно», — возражали ему стрельцы. «Так знайте же, — сказал Гордон, — если вы теперь не примете милости его царского величества и мы принуждены будем силой привести вас к повиновению, тогда уже не будет вам пощады. Даю вам срок четверть часа».

Гордон отъехал в сторону и через четверть часа опять послал к ним за ответом. Но стрельцы стояли на своем.

Шеин отправил к стрельцам Кольцо-Мосальского. Тогда из толпы стрельцов вышел десятник Зорин с челобитной, где, между прочим, говорилось, будто воевода Ромодановский хотел их рубить, неизвестно за что, а в заключение объяснилось, что стрельцы затем пришли к Москве, что в Москве «великое страхование, город затворяют рано вечером и поздно утром отворяют, всему народу чинится наглость; они слышали, что идут к Москве немцы и то знатно последую брадобритию и табаку во всесовершенное благочестия исповержение».

И в стрелецком стане и в стане Шеина отслужили молебны, приготовились к бою.

Шеин послал против стрельцов Гордона с 25 пушками, а между тем кавалерия стала окружать их стан.

Поставивши свои пушки, Гордон два раза высылал к стрельцам дворян с советом опомниться и покориться.

«Мы вас не боимся, — сказали стрельцы, — у нас самих есть сила».

Тогда Гордон приказал дать залп, но так, что ядра пролетели над головами стрельцов.

Стрельцы подняли крик, замахали шапками и произносили имя Святого Сергия. То был их условленный знак.

Тогда Гордон приказал выстрелить по ним из пушек и положил многих на месте. Стрельцы смешались. Гордон дал другой, третий, четвертый залп; стрельцы бросились врассыпную. Оставалось только ловить и вязать их. Убито у них было 29 человек и ранено 40.

Тотчас дали знать в Москву; бояре приказали Шеину произвести розыск. Начались пытки кнутом и огнем. Стрельцы повинились, что было у них намерение захватить Москву и бить бояр, но никто из них не показал на царевну Софью. Шеин самых виновных приказал повесить на месте, а других разослать по тюрьмам и монастырям под стражу.

Бояре полагали, что суд тем и кончился, но не так посмотрел на это дело Петр, когда к нему в Вену пришло известие о бунте стрельцов. «Это, — писал он Ромодановскому, — семя Ивана Милославского растет...» и тотчас поскакал в Москву.

Царь прибыл в столицу 25 августа, а на другой день 26 в Преображенском селе начал делать то, что так возмущало стрельцов; Петр начал собственноручно обрезать бороды боярам и приказал им одеться в европейское платье, как будто желая сразу нанести решительный удар русской старине, подвигнувшей на бунт стрельцов.

С половины сентября начался новый розыск. Из разных монастырей велено было свезти стрельцов; затем иных разместили по московским монастырям, а других содержали в подмосковных селах под крепким караулом. Число всех содержащихся стрельцов было 1714 человек.

Допрос происходил в Преображенском селе под руководством князя Федора Юрьевича Ромодановского, заведывавшего Преображенским приказом. Устроено было четырнадцать застенков, и каждым застенком заведывал один из думных людей и ближних бояр Петра. Признания добывались пытками. Подсудимых сначала пороли кнутом до крови на виске (т. е. его привязывали к перекладине за связанные назад руки); если стрелец не давал желаемого ответа, его клали на раскаленные угли. По свидетельству современников, в Преображенском селе ежедневно курилось до тридцати костров с угольями для поджаривания стрельцов. Сам царь с видимым удовольствием присутствовал при этих варварских истязаниях. Если пытаемый ослабевал, а между тем нужен

был для дальнейших показаний, то призывали медика и лечили несчастного, чтобы подвергнуть новым мучениям. Под такими пытками стрельцы сперва сознались, что у них было намерение поручить правление царевне Софье и истребить немцев, но никто из них не показывал, чтобы царевна сама подущала их к этому замыслу! По показанию Гордона, казнено было до 130 чел., а по монастырям разослано 1845 чел. Из отправленных Шеиным убежало из монастырей 109 чел. — душала их к этому замыслу! Петр подозревал сестру и приказал пытать стрельцов сильнее, чтобы вынудить у них показания, обвиняющие Софью. Тогда некоторые стрельцы показали, что один из их товарищей (который в розыске не оказывался) Васька Тума привез из Москвы письмо от имени Софьи, получивши его через какую-то нищую. Это письмо передано было пятидесятнику Обросимову, а тот передал его стрельцу Маслову, последний читал это письмо перед полками на Двине. Следуя этим показаниям, нашли нищую; но она ни в чем не созналась и умерла в мучениях под пыткой. Взяли кормилицу Софьи Вяземскую и четырех ее постельниц, подвергли их жестоким пыткам. Показания этих женщин были таковы, что из них можно было только, при сильных натяжках, обвинить Софью. Сама Софья, допрошенная Петром, объявила, что никогда не посылала никаких писем в стрелецкие полки. Сестра ее Марфа сказала только, что слышала от своей служительницы Жуковой о желании стрельцов прийти в Москву и возвести на царство Софью. Жукову подвергли пытке; она наговорила на одного полуполковника. Этого в свою очередь подвергли пытке, а Жукова потом сказала, что она его оговорила напрасно. Когда же ее снова стали пытать, она опять обвинила его: это может служить образчиком, какого рода были отбираемые тогда показания.

30 сентября у всех ворот московского Белого города расставлены были виселицы. Несметная толпа народа собралась смотреть, как повезут преступников. В это время патриарх Адриан, исполняя предковский обычай, наблюдаемый архипастырями, просить милости опальным, приехал к Петру с иконою Богородицы. Но Петр был еще до этого нерасположен к патриарху за то, что последний повторял старое нравоучение против брадобрития; Петр принял его гневно. «Зачем пришел сюда с иконою? — сказал ему Петр. — Убирайся скорее, поставь икону на место и не мешайся не в свои дела. Я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Богородицу. Моя обязанность и долг перед Богом охранять народ и казнить злодеев, которые посягают на его благосостояние». Патриарх удалился. Петр, как говорят, собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам в селе Преображенском. Затем длинный ряд

телег потянулся из Преображенского села в Москву; на каждой телеге сидело по два стрельца; у каждого из них было в руке по зажженной восковой свече. За ними бежали их жены и дети с раздирающими криками и воплями. В этот день перевешано было у разных московских ворот 201 человек.

Снова потом происходили пытки, мучили, между прочим, разных стрелецких жен, а с 11 октября до 21 в Москве ежедневно были казни; четверым на Красной площади ломали руки и ноги колесами, другим рубили головы; большинство вешали. Так погибло 772 человека, из них 17 октября 109-ти человекам отрубили головы в Преображенском селе. Этим занимались, по приказанию царя, бояре и думные люди, а сам царь, сидя на лошади, смотрел на это зрелище. В разные дни под Новодевичьим монастырем повесили 195 человек прямо перед кельями царевны Софьи, а троим из них, висевшим под самыми окнами, дали в руки бумагу в виде челобитных. Последние казни над стрельцами совершены были в феврале 1699 года. Тогда в Москве казнено было разными казнями 177 человек.

Тела казненных лежали неприбранные до весны, и только тогда велено было зарыть их в ямы близ разных дорог в окрестностях столицы, а над их могилами велено было поставить каменные столпы с чугунными досками, на которых были написаны их вины; на столпах были спицы с воткнутыми головами.

Софья, по приказанию Петра, была пострижена под именем Сусанны в том же Новодевичьем монастыре, в котором жила прежде. Сестра ее, Марфа, пострижена под именем Маргариты и отправлена в Александровскую слободу в Успенский монастырь. Прочим сестрам запрещено было ездить к Софье, кроме Пасхи и храмового праздника Новодевичьего монастыря. Несчастливая Софья в своем заключении томила еще пять лет под самым строгим надзором и умерла в 1704 году.]

Путешествие Петра было великим событием, с которого началась преобразовательная деятельность государя, и русское общество пошло безвозвратно по новому пути сближения с Европой. С этих пор открывается кипучая, неутомимая деятельность Петра и во внешних, и во внутренних делах. Началом преобразований было изменение внешних признаков, розвивших русскую жизнь от европейской. Петр, на другой же день после прибытия своего в Москву, 26-го августа, в Преображенском дворце, собственноручно начал отрезать бороды; дана была пощада при дворе только двум старикам: Стрешневу и Черкасскому. Всем близким к царю людям велено одеться в европейские кафтаны. Все войско велено нарядить в форменную одежду по европейскому образцу. Бородо-

бритье и перемена одежды с первого раза возбуждали ужас и показывали, что Петр не будет оказывать снисхождения обычаям древней русской жизни, принявшим религиозное значение. Истари в русской литературе существовали, приписываемые святым мужам, поучения о сохранении бороды; борода у мужчин считалась признаком не только достоинства, но и нравственности; бритье бороды называлось еллинским, блудным, гнусным делом. Бритый человек, если он не был иноземец, возбуждал к себе презрение; и вдруг сам царь приказывает русским людям учинять над собою «развратное, скаредное дело». Что касается до иноземцев, то русские признавали за ними знание разных хитростей и готовы были пользоваться их службою России, но считали их еретиками, а свой народ избранным Божиим народом. В глазах русских согласные с уставами православной церкви обычаи почитались святыми, богоугодными, наравне с самою церковью.

При таком взгляде естественно, что преобразовательные приемы Петра, начавшиеся с внешних признаков, должны были возбудить соблазн, вражду, отвращение и противодействие. Русский народ видел в своем царе противника благочестия и доброй нравственности; русский царь досадовал на свой народ, но настойчиво хотел заставить его силою идти по указанной им дороге. Одно давало ему надежду на успех: старинная покорность царской власти, рабский страх и терпение, изумлявшее всех иноземцев, то терпение, с которым русский народ в прошедшие века выносил и татарское иго, и произвол всяких деспотов. Петр понимал это и говорил: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то бы уже давно не владел русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей». Он пренебрегал не только религиозными предрассудками, но и более существенными нравственными понятиями: церковное благочестие признавало неразрывность брачной связи, а Петр, невзлюбивший своей жены, не только отвергнул ее от себя, но и употребил над нею насилие. Жена его, царица Евдокия, воспиталась в обычаях старины и строго их хранила; Петр же с увлечением бросился перенимать все иноземное. Этого одного уже было достаточно произвести между супругами разлад. Была, кроме того, другая причина: Петр, как мы выше сказали, пристрастился к Анне Монс. Не любя жены, Петр возненавидел ее родню и перед отъездом за границу удалил из Москвы ее отца, дядей и братьев. Желая соблюсти приличия законности, Петр из-за границы поручал Льву Нарышкину и духовнику Евдокии

уговорить ее добровольно постричься. Но Евдокия ни за что не хотела. По возвращении из-за границы Петр уговаривал ее лично постричься. Царица не хотела. Тогда царь, не терпевший никаких противоречий своей власти, к соблазну всех православных христиан, приказал 23 сентября 1698 года отвезти Евдокию в Суздальский Покровский монастырь и там постричь ее. Пострижение, однако, совершилось не ранее как в июне следующего года: архимандрит и священники этого монастыря не хотели творить незаконного дела и за то взятые были в Преображенский приказ на расправу.

После страшной казни мятежных стрельцов Петр отправился в Воронеж, осматривал там построенные кумпанствами суда, — вообще был доволен; но некоторые суда — по замечанию адмирала Крейса — велел переделать. У Петра все еще было намерение вести войну с Турцией, и он все еще надеялся, что римский император будет поддерживать его стремления к утверждению русского владычества на Черном море. Вышло, однако, не так. Открылись переговоры о мире между Турцией и Австрией в Карловице; там на съезде участвовали послы: венецианский, польский и русский — думный дьяк Возницын. Посредничество о заключении мира взяли на себя Англия и Голландия и послали на съезд своих представителей. Возницын хлопотал, чтобы Турция, кроме недавно завоеванных Россией мест, уступила еще один пункт в Крыму, именно Керчь, но австрийские уполномоченные не стали поддерживать требования русского посла и заключили с турками особый мир. Польский посол также объявил, что Речь Посполитая не в силах продолжать войну с турками. Возницыну ничего не оставалось со своей стороны, как также предложить мир, но турки не хотели мириться иначе, как на условии уступки им завоеванных городов. Возницын заключил с турками перемирие на два года.

Тогда Петр решил отправить посольство в Константинополь для заключения по возможности выгодного мира, а сам между тем готовил войско и намеревался двинуть на следующий год свой воронежский флот в Азовское море для устрашения турок.

Воротившись из Воронежа, Петр приступил к внутренним преобразованиям в управлении, которыми началась ломка всего старого и введение новых порядков на европейский лад. 30 января 1699 года последовал указ об учреждении бурмистерской палаты. До сих пор торговые и промышленные люди находились в ведении приказов и воевод; по новому указу, они были изъяты от прежних ведомств и, вместо того, должны были в Москве выбирать погодно бурмистров, составлявших бурмистерскую палату, иначе называемую ратушею. Это учреждение ведало суд и расправу между купцами и управляло сбором всех окладных

доходов и разных собираемых пошлин. Один из выбранных бурмистров в течение месяца по очереди был председателем. Затем во всех городах, посадах и слободах торговые и промышленные люди также не подлежали суду воевод, а должны были выбрать из своей среды, для суда, расправы и сбора неокладных доходов, выборных земских бурмистров; таможенные и кабацкие доходы поступили в заведование других выборных же бурмистров, называемых таможенными и кабацкими бурмистрами, которые вместе с земскими составляли земскую избу. Земские избы находились в зависимости от одной московской бурмистерской палаты, или ратуши. Новое учреждение ратуши с бурмистрами устранило по закону воевод от заведования торговыми людьми, но они все еще, по старине, притесняли приезжих торговцев. Так делалось в разных городах, и за это воевод велено было судить в ратуше. Из ведения воевод изъяли всякие преследования за корчемство, составлявшие только повод к притеснениям людей. Образец такого самоуправления в торговом и промышленном сословии Петр нашел в старом европейском муниципальном городском строе, который уже прежде его перешел в Малороссию в виде магдебургского права, с тою разницей, что Петр сосредоточил и связал крепче этот строй посредством подчинения всех земских изб в государстве центральному, такому же по существу своему, месту, находившемуся в столице. Это учреждение предпринято было с тем, чтобы избавить торговое и промышленное сословие от тех утеснений, какие оно терпело от приказов и воевод, но главным образом в надежде на умножение дохода, потому что при прежнем управлении были постоянные недоборы. Затевая великие дела, Петр, естественно, нуждался в средствах, и потому умножение государственных доходов сделалось у него главнейшей целью, которую он преследовал во все свое царствование со свойственной ему страстностью.

Тогда поднялся и стал в приближении у царя некто Алексей Курбатов, бывший дворецкий у боярина Бориса Петровича Шереметева. Он путешествовал с ним за границу и узнал, что в западных государствах употребляется в делопроизводстве особая бумага с клеймом, продаваемая от казны. Курбатов подал царю безыменный проект о введении подобной бумаги в России. Петру понравился этот проект. Составитель проекта объявил о себе, получил в награду от царя недвижимое имение и звание обер-инспектора ратушного правления. В России введена была гербовая или в то время называемая орленая бумага. Курбатов открыл собою ряд так называемых прибыльщиков, которые отыскивали и доставляли казне разные средства обогащения.

С весною 1699 года Петр готовился выступить со своим флотом в Азовское море для провожания уполномоченного посла своего в Турцию. 2-го марта скончался носивший звание адмирала русского флота Франц Яковлевич Лефорт. Петр, сердечно любивший его, как лучшего своего веселого собеседника, громко рыдал над его телом. 10 марта Петр учредил орден Андрея Первозванного и тотчас возложил его на Головина, а через два дня уехал в Воронеж. В мае он выступил со флотом по Дону к Азову и до половины августа усердно занимался корабельным делом, сам показывая другим пример, конопатил и мазал суда и в то же время занимался государственными делами по всем частям. Оставленный союзниками, Петр снарядил в Константинополь послом думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, давши ему наказ домогаться с Турцией мира на таких условиях, чтоб за Россией непременно остался Азов и другие завоеванные города и чтобы Россия отнюдь не платила годовой дани крымскому хану. Посол должен был плыть в Константинополь на русском сорокапушечном корабле: то был первый русский военный корабль, предназначаемый плавать по иностранным морям. Петр опасался, что турки не пропустят русский корабль через Керченский пролив, и потому решил провожать его сам с сильной эскадрой. Действительно, турецкий адмирал, стоявший в Керчи, и керченский паша не хотели пропускать русский корабль, а предлагали посольству выйти на берег и следовать сухим путем, но потом, когда посол наотрез отказался, дозволили русскому кораблю дойти до Константинополя морем, но только под конвоем турецких кораблей. Русский корабль пришел в Константинополь 28 августа 1699 года и стал на якорь прямо против султанского сераля. Не только турки, но и посольства западных держав приходили смотреть на него как на диво. Переговоры тянулись несколько месяцев. Турки домогались возвращения новозавоеванных городов и срытия тех, которые построил Петр на Азовском море (Таганрога, Павловска и Миуса), домогались, чтобы царь посылал хану поминки. Иностранные послы не только не поддерживали России, но старались утверждать турок в их домогательствах, считая опасным для своих видов, если Россия усилится и сделается морской державой. Наконец, после долгих споров пришли к такому соглашению, чтобы городки на Днепре все срыть и пространство от Запорожской Сечи вдоль Днепра до устья оставить пустым, а за то царю уступался Азов и городки, вновь построенные на Азовском море. Россия не приняла на себя обязательства давать определенные поминки хану. Украинцев, по наказу своего государя, ходатайствовал о преимуществах православных греков, относительно святых мест. Это

был первый шаг к тому заступничеству за турецких христиан, которое потом так часто повторялось в русской истории и служило поводом к столкновениям с Турцией. На этот раз турки отклонили вмешательство России, объяснивши, что вопрос этот относится к внутренним делам, до которых нет чужим дела, но дозволили русским богомольцам посещать священные места. В этом смысле заключено перемирие на тридцать лет.

